

DOI: 10.23932/2542-0240 -2017-10-2-167-180

Дина Борисовна МАЛЫШЕВА

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук
Профсоюзная ул., 23, Москва, 117997, Российская Федерация
dsheva@mail.ru

Политическая трансформация Турции в контексте референдума 16 апреля

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются особенности внутри- и внешнеполитической трансформации Турции в свете состоявшегося там 16 апреля 2017 г. референдума по вопросу расширения полномочий главы государства. Анализируются предпосылки и последствия перехода Турции от парламентской политической системы к президентской, а также проблема устойчивости внутривнутриполитической ситуации в этой республике в условиях экономического кризиса, нерешенной курдской проблемы, усиления в противовес светской тенденции религиозного фактора и возрастания террористической угрозы. Выявлены возникшие после референдума изменения в позиционировании Турции на международной арене, в частности в отношениях с Европейским Союзом, куда Турция давно стремится попасть. Особое внимание уделено международно-политической активности Турции в регионе Ближнего Востока и в сирийской конфликтной зоне, где продолжительное вооруженное противостояние вызвало к жизни активизацию радикальных исламистских движений и террористических структур. Проанализирована эволюция турецких подходов к кризису в Сирии, дана оценка роли Турции, ставшей вместе с Россией и Ираном страной – гарантом мирного урегулирования в рамках астанинского процесса. На основе анализа особенностей трансформации Турции как крупной региональной дер-

жавы делается вывод о преемственности после референдума ее политического курса по основным направлениям внутренней и внешней политики и о том, что в рамках складывающейся в республике президентской политической системы можно ожидать большей динамики в принятии экономических, политических и международных решений.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Турция, референдум, политическая трансформация, Европейский Союз, Ближний Восток, сирийский конфликт

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Малышева Д.Б. (2017). Политическая трансформация Турции в контексте референдума 16 апреля. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, 10 (2). 167–180. DOI: 10.23932/2542-0240 -2017-10-2-167-180

DOI: 10.23932/2542-0240 -2017-10-2-167-180

Dina B. MALYSHEVA

Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences
23, ul. Profsoyuznaya, Moscow, Russian Federation, 117997
dsheva@mail.ru

Political transformation of Turkey in the context of the referendum on 16 April

ABSTRACT. *The article deals with the peculiarities of the transformation of Turkey in the sphere of internal and foreign policy in the light of the referendum held on April 16, 2017 on the issue of the extension of powers of the head of state. The preconditions and consequences of the transition of Turkey from a parliamentary political system to a presidential one are analyzed, as well as the problem of stability of the internal political situation in the republic in the conditions of the economic crisis, the unresolved Kurdish problem, the increase of terrorist threat. In the article the changes in the positioning of Turkey in the international arena appeared after the referendum, in particular in the relations with the European Union which Turkey has tried to join for a long time are revealed. Special attention is paid to the international and political activity of Turkey in the Middle East region and in the Syrian conflict zone where the military confrontation sparked the activation of radical Islamist movements and terrorist structures. The evolution of the Turkish approaches to the crisis in Syria is analyzed, the role of Turkey which with Russia and Iran has become a guarantor of peaceful settlement within the framework of Astana process is estimated. Based on the analysis of the peculiarities of the transformation of Turkey as a regional power a conclusion is made about the post-referendum continuity of the political course*

in the sphere of internal and foreign policy and that within the framework of the presidential political system developing in the republic one can expect greater dynamics in the adoption of economic, political and international solutions.

KEYWORDS: *Turkey, referendum, political transformation, the European Union, the Middle East, the Syrian conflict*

FOR CIATATION: Malysheva D.B. (2017). Political Transformations of Turkey in the context of the Referendum held on April 16. *Outlines of global transformations: politics, economics, law*, 10 (2). 167–180. DOI: 10.23932/2542-0240 -2017-10-2-167-180

16 апреля 2017 г. в Турции на референдуме по вопросу расширения полномочий главы государства при явке в 86% за кардинальное реформирование политического строя республики – ее переход от установленной в первой половине XX века основателем Турецкой Республики Мустафой Кемалем Ататюрком парламентской формы правления к президентской – был отдан 51,4% голосов, против – 48,8%. И хотя конституционные изменения вступят в силу после проведения в 2019 г. президентских выборов, глава государства Реджеп Тайип Эрдоган поздравил своих сторонников с победой, назвав их решение историческим.

На пути к формированию президентской политической системы

Создание в Турции мощного института президентства, не обремененного эффективной системой сдержек и противовесов, говорит о серьезном развороте политического вектора развития республики в сторону утверждения авторитарной тенденции. Но такая смена политической парадигмы произошла в Турции отнюдь не в одночасье, а референдум фактически только зафиксировал развивавшийся в стране процесс политической трансформации, основным содержанием которого стало постепенное отступление от кемалистского наследия, от западноориентированной светской модели. Ускорил этот процесс приход к власти Партии справедливости и развития (ПСР). Руководимая тогда еще премьер-министром Эрдоганом, ПСР победила на парламентских выборах 2002 г. и затем закрепила свой успех во время выборных кампаний 2007 и 2011 гг. Состоявшиеся 10 августа 2014 г. президентские выборы принесли победу (51,8% голосов избирателей) премьер-министру и лидеру правящей ПСР Эрдогану, который и стал главным инициатором трансформации турецкой политической системы.

Так, благодаря усилиям ПСР фактически была сведена на нет власть военной касты, которая в течение нескольких десятилетий претендовала в Турции на особую роль – гаранта светского характера республики и хранительницы устоев кемализма (Кемаль Ататюрк, как известно, был выходцем из армейской среды). В августе 2003 г. действующая власть законодательным путем лишила армию особого стату-

са. Серьезным ударом по высшему военному руководству стало начатое в 2007 г. разбирательство по делу организации «Эргекон»¹, в рамках которого (операция «Кувалда») были произведены громкие аресты турецких генералов с последующим тюремным заключением: их обвинили в создании тайного общества с целью антиконституционного захвата власти. В итоге многолетней эпохе безраздельного доминирования армии на турецкой политической сцене был положен конец. ПСР, кстати, действовала при этом в полном соответствии с рекомендациями Европейского Союза (ЕС), который считал вмешательство армии в турецкую политику противоречащим демократическим нормам.

По мнению многих², за кулисами многоходовой операции против армии стоял тогдашний союзник Эрдогана – турецкий религиозный и общественный деятель Фетхуллах Гюлен (он с 2000 г. находится в добровольном изгнании в США), создавший хорошо организованное сообщество (джамааты, или «Хизмет» – «Служение»). Как и Эрдоган, Гюлен задался целью увести Турцию от секуляризма в сторону «умеренной» исламской традиции. Впоследствии пути этих двух деятелей разошлись настолько, что Гюлена и его сообщество турецкие власти стали обвинять во всех антиправительственных акциях, в том числе и в причастности к масштабной внутривнутриполитической дестабилизации Турции по образцу той, что случилась на Ближнем Востоке по итогам «арабского пробуждения» (Наумкин В.В., Попов В.В., Кузнецов В.А., 2012). Ее власть сумела успешно предотвратить, своевременно купировав прокатившуюся по ряду турецких городов протестную активность (на-

1 Созданная еще в годы «холодной войны» под лозунгами антисоветизма, эта организация, в которую вошло много националистически настроенных военных, верных кемализму, получила свое название от легендарного места на Алтае, считающегося в турецкой мифологии прародиной турок.

2 См.: например: Переворот в Турции: что такое движение Гюлена и чего оно добивается? URL: <http://www.bbc.com/russian/features-36875012> (Дата обращения: 23.07.2016)

зываемую нередко «турецкой весной»³), начало которой положили демонстрации 28–31 мая 2013 г. на стамбульском майдане (площади) Таксим. Подавила власть и заговор элит, инспирировавших в конце 2013 г. крупный коррупционный скандал (операция «Большая взятка»), острие которого было направлено против Эрдогана и его окружения. Одновременно была развернута борьба с гюленовским движением: его стали именовать «фетхуллахской террористической организацией» (*Fethullahçı Terör Örgütü, FETÖ*), а также «параллельным государством»⁴.

Издержки обострившегося в Турции внутривнутриполитического противостояния действующей власти со своими противниками компенсировались относительно высокими темпами экономического роста республики, что позволило ей занять достойное место в неформальном форуме крупнейших экономик мира – «Группе 20»; изменился и военный потенциал Турции, так что ее вооруженные силы оказались в ряду сильнейших армий мира.

В последние годы, однако, все эти достижения начала серьезно нивелировать ухудшившаяся ситуация в сфере внутренней безопасности. В известной мере это было связано как с общемировыми процессами, так и с дестабилизацией в регионе Ближнего Востока: войнами в Ираке, Ливии, Сирии, а также нахлынувшими вследствие этого в Турцию массами беженцев (3 млн человек из одной только Сирии) и ростом террористических атак со стороны запрещенного в России и ряде других стран «Исламского государства» (ИГ).

На таком неблагоприятном фоне в ночь с 15 на 16 июля 2016 г. группа военных попыталась совершить в Турции государственный переворот. По заверениям властей, путчисты получили поддержку из-за границы. В этом, в частности, был

обвинен Гюлен вместе с его «террористической организацией» FETÖ. После подавления путча турецкие власти направили в США запрос об экстрадиции Гюлена, чтобы он предстал на родине перед судом. В США, однако, турецкие обвинения в причастности Гюлена к попытке переворота посчитали недостаточными и отказали в его выдаче. Что касается других последствий переворота, то он, судя по всему, сыграл только на руку турецкому президенту: политическое поле стало еще более активно зачищаться от всех реальных и потенциальных несогласных, а процессу преобразования Турции в суперпрезидентскую республику было придано ускорение.

Этот свой план по преобразованию турецкой политической системы Эрдоган начал продвигать в жизнь давно, но лишь в апреле 2013 г. на рассмотрение парламента был внесен проект новой конституции, предполагавшей переход к президентской форме правления. 11 февраля 2017 г. Эрдоган ратифицировал внесенный в основной закон пакет конституционных поправок. Они включили в себя упразднение поста премьер-министра и существенное расширение полномочий главы государства, который наделялся всей полнотой исполнительной власти: президент получал право назначать вице-президента, министров, часть членов коллегии судей и прокуроров. За эти поправки турецкие граждане и проголосовали на референдуме 16 апреля.

Не секрет, что данное народное волеизъявление породило в самой Турции и за ее пределами множество толков и прогнозов относительно того, как будет строиться внутренняя и внешняя политика республики, приведет ли грядущая реформа турецкой политической системы к стабильности или же, напротив, обострит внутренние противоречия.

3 Eldem T. The Turkish Spring or another color revolution? URL: <http://www.strategicoutlook.org/turkish-foreign-policy/news-the-turkish-spring-or-another-color-revolution.html> (Accessed 06.02.2014)

4 Gülen's followers pose biggest threat to Turkey's Erdoğan. Today's Zaman.

Не вызывает сомнений, что изменения коснутся в первую очередь *экономической сферы*, где ситуация остается весьма непростой. За несколько прошедших лет в Турции замедлился экономический рост, так что во второй половине 2016 г. страна оказалась на грани масштабного кризиса. Международный валютный фонд (МВФ) полагает, что «перспективы Турции омрачены растущей политической неопределенностью, проблемами безопасности и растущей задолженностью в иностранной валюте, что вызвано обесцениванием (турецкой – Д.М.) лиры»⁵. По данным МВФ, ВВП Турции составил в текущем году только 2,5%, что ниже показателя в 4,5%, предсказанного ранее МВФ группе стран с формирующимися рынками и развивающейся экономикой, в число которых включена и Турция. Неутешителен и прогноз МВФ по безработице в Турции, который составит в 2018 г. 11%⁶.

Однако же турецкие власти с такой пессимистической оценкой экономического состояния республики не согласны, и, по утверждению заместителя премьер-министра Мехмета Симсека, реальный ВВП Турции достиг в 2017 г. 4,4%, безработица – 10,2%, инфляция – 6,5% (а не 10%, согласно прогнозу МВФ)⁷. Но как бы то ни было, безотлагательного решения сложнейших структурных проблем не избежать. Без этого не будут реализованы амбициозные планы Эрдогана по превращению Турции в одну из десяти крупнейших экономик мира к 2023 г. – столетию со дня основания республики. И, возможно, концентрация исполнительной власти в руках президента и его команды придаст динамику предстоящим экономическим преобразованиям.

Обращает на себя внимание и проблема, оказавшаяся после референдума

в центре внимания турецких и мировых СМИ, – возможный конфликт между светской, ориентированной на европейские ценности частью турецкого общества и местными приверженцами исламской традиции. В этом контексте выбор турецких избирателей в пользу президентской системы трактуется нередко как свидетельство грядущей исламизации Турции. Представляется, однако, что подобный подход в целом продиктован евроцентристским восприятием непростых турецких реалий.

Турция многие десятилетия позиционировала себя в качестве проводника европейских ценностей и как единственное в мусульманском мире светское государство, способное стать «мостом» между Европой и Азией. Религия в этой стране законодательно была отделена от государства, а исламизм, или «политический ислам», вообще долгое время находился под строжайшим запретом: вплоть до 1991 г. в Уголовном кодексе республики сохранялась статья, запрещающая использование ислама в политических целях (Белокреницкий, Наумкин В.В, 1995, с. 333). Но турецкая модель светского государства всегда отличалась гибкостью, и конструктивные взаимоотношения между религиозными общинами и светской властью служили условием сохранения национального согласия. В силу недостаточного внутреннего ресурса турецкие правители вынуждены были лавировать – заявлять об «умеренности» существующей в Турции исламской традиции и декларировать свою приверженность светской модели, что открывало дорогу к вступлению в ЕС. В свое время во имя этого геополитического проекта произошел отход Турции и от имперского бремени, и, главное, – от своей исламской идентичности.

5 World Economic Outlook. April 2017. Washington: International Monetary Fund. 2017. P. 18. URL: <http://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2017/04/04/world-economic-outlook-april-2017> (Accessed 18.05.2017).

6 World Economic Outlook. April 2017. Washington: International Monetary Fund. 2017. P. 46. URL: <http://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2017/04/04/world-economic-outlook-april-2017> (Accessed 18.05.2017).

7 Sonmez M. Can Turkey disprove IMF's dismal economic growth forecast? – Al-Monitor. 27.04.2017. URL: <http://www.al-monitor.com/pulse/originals/2017/04/turkey-imf-expects-economic-slow-down.html> (Accessed 30.04.2017)

Ныне этот проект, конечной целью которого стало бы вхождение на полноправных началах в семью европейских народов лаицистской Турции, отделившей ислам от государства и очистившейся от пережитков традиционного общества, терпит очевидный крах. Политики нового поколения открыто заявляют о необходимости возврата к исламским ценностям, отходе от принципов лаицизма. При этом Эрдогана и других лидеров ПСР нередко именуют исламистами. Но это, скорее, дань политической традиции, сложившейся в Турции, где националистам противостоят именно исламисты, так как влиятельных политических сил, ориентирующихся на какие-либо другие ценности, помимо национализма и религии, в стране фактически нет. Поэтому изменение после референдума политического строя в Турции если и скажется на роли ислама в этой стране, то в основном в виде сохраняющегося противостояния кемалистов со сторонниками относительно умеренной ветви «политического ислама», то есть с теми, кто пытается совместить модернизацию, рыночную экономику и некоторые демократические институты с исламскими традициями вместе с базирующейся на них турецкой идентичностью.

Никуда не денутся в Турции ни межэтнические противостояния, ни насчитывающий более 30 лет конфликт с *курдами*. С тех пор как в июле 2015 г. правительственные войска возобновили бои на юго-востоке страны в районах, контролируемых Курдской рабочей партией (она объявлена в Турции, США и Евросоюзе террористической военно-политической организацией), там погибло по меньшей мере 2,748 человек, около 100 тыс. лишились крова и

400 тыс. человек превратились во временно перемещенных лиц⁸. Будет ли грядущая в Турции сверхпрезидентская республика решать курдскую проблему иными способами, нежели ее парламентская предшественница? Едва ли, как и не изменится категорическое неприятие верховной властью любых форм федерализации Турции или же ирредентистских устремлений турецких, иракских и сирийских курдов, мечтающих о собственной государственности. Ее предвестником курдам видится обладающий широкими полномочиями Курдский автономный район Ирака, а также три граничащих с Турцией сирийских анклава (Джазира, Кобани и Африн), объявивших себя 17 марта 2016 г. курдской автономией под названием Рожава. Это было расценено официальной Анкарой как прямая угроза турецким интересам в регионе и территориальной целостности страны, да и правительство Башара Асада отнюдь не в восторге от такой курдской инициативы⁹.

Вместе с тем имеются признаки того, что в Турции часть курдского населения, которая не вовлечена в экстремистские объединения и сама страдает от террористической активности, готова поддержать силы, способные добиться внутривнутриполитической стабилизации. Отражением подобных настроений могут служить результаты голосования на референдуме на юго-востоке страны, где число курдов, проголосовавших «за», оказалось на 10% выше тех, кто на парламентских выборах 1 ноября 2015 г. отдал свои голоса за ПСР; фиксировалось и снижение поддержки КРП из-за ее склонности прибегать к тактике террора¹⁰.

Турецкий президент и его соратники утверждают, что сильная власть нужна как раз для того, чтобы решить стоящие

8 Managing Turkey's PKK conflict: the case of Nusaybin. International crisis group. Report №243, 2 May 2017. URL: <https://www.crisisgroup.org/europe-central-asia/western-europemediterranean/turkey/243-managing-turkeys-pkk-conflict-case-nusaybin> (Accessed 03.05.2017).

9 Автономия Рожавы: между разъяренной Турцией и шокированной Сирией. URL: <https://eodaily.com/ru/news/2016/03/24/avtonomiya-rozhavy-mezhdu-razyarennoy-turciey-i-shokirovannoy-siriyey> (Дата обращения: 24.03.2016).

10 What happened with the Kurdish votes? URL: <http://www.hurriyetdailynews.com/what-happened-with-the-kurdish-votes.aspx?PageID=238&NID=112203&NewsCatID=428> (Accessed 20.04.2017).

перед страной проблемы и повести ее по пути обновления и модернизации. Но сценарий развития Турции после референдума важен не только для ее внутренней политики. На международной арене Турции предстоит выработать новый формат отношений со многими значимыми международными игроками, в первую очередь с Европейским Союзом.

Внешиполитические векторы

Заявку на членство в Евросоюз Турция, состоящая в Совете Европы с 1949 г., подала в 1987 г. В 1996 г. Турция вступила в Таможенный союз ЕС, а в 1999 г. она обрела статус страны-кандидата. С тех пор в ЕС было уже несколько волн расширения, однако Турции среди принятых в ЕС стран не оказалось. Замораживание Брюсселем переговорного процесса определенным образом подтолкнуло Турцию к самоопределению на международной арене. Республика, не ограничиваясь более приданной ей во времена «холодной войны» ролью регионального форпоста НАТО, членом которого Турция является с 1952 г., превращается в важного участника многих международных процессов, играет заметную роль в структурах формирующегося полицентричного мира. Оставаясь членом НАТО и входя во многие структуры Евросоюза, Турция в статусе «партнера по диалогу» стала 26 апреля 2013 г. участницей Шанхайской организации сотрудничества. А 24 октября 2013 г. на заседании в Минске Высшего евразийского экономического совета Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев, сославшись на соответствующее пожелание Эрдогана, предложил обсудить возможность подключения Турции к Таможенному союзу СНГ.

Вместе с тем, как отмечает известный российский тюрколог П.В. Шлыков, «нор-

мативное и институциональное влияние ЕС на общественно-политическое развитие Турции сохраняется, несмотря на стагнацию переговорного процесса и рост евроскептицизма» (Белокреницкий, Ульченко, 2015, с. 248). Но это и не понижает значения успешно проведенного референдума, который открывает для турецкой внешней политики новые альтернативы и возможности. Примечательной в этой связи выглядит оценка, которую дает апрельскому референдуму турецкий журналист Эргюн Йылдырым: «Теперь западный мир будет вести диалог с теми, кто представляет нашу нацию, прислушиваясь к ним. Теперь нас будут больше слушать, а не командовать нами, будут взаимодействовать с нами не как хозяева, а как соседи. Наша политика в последние два столетия совершила падение – от эпохи, когда мы были хозяевами мирового порядка (во времена Османской империи – Д.М.), до периода, когда мы стали рабами Запада. Теперь эта старая политика выбирается на новый путь. В этом значение победы, одержанной на референдуме 16 апреля»¹¹.

На Западе осознают, что Турция в международно-политическом плане может оказаться после референдума менее управляемой, а получающий неограниченные механизмы для упрочения позиций внутри страны Эрдоган стать еще более трудным переговорщиком. Сохраняется и недоверие к Турции как к политическому союзнику. Подобное отношение рождает преследование властями страны политических оппонентов и журналистов (оно после референдума только набрало темпы), силовое решение курдской проблемы, другие негативные стороны турецкой действительности.

Показателем своего рода политическое отчуждения ЕС от Турции и даже некоторой «усталости» от нее стало решение Европарламента, одобрявшего на своей пле-

11 Yildirim E. April 16, Turkey and Islam. – Yeni Şafak 23.04.2017. URL: <http://www.yenisafak.com/en/columns/ergunyildirim/april-16-turkey-and-islam-2037498> (Accessed 24.04.2017)

нарной сессии в Страсбурге в ноябре 2016 г. резолюцию, призывающую ЕС приостановить переговоры о вступлении Турции в сообщество. Как было отмечено впоследствии, данное решение было принято «из-за серьезного и продолжительного нарушения принципов свободы, демократии и прав человека» в Турции¹². По итогам же турецкого референдума Парламентская ассамблея Совета Европы 25 апреля 2017 г. на своем заседании на Мальте проголосовала за возвращение Турции в процедуру «мониторинга ее обязательств перед Советом Европы», что является понижением статуса страны как кандидата на вступление в ЕС. Это решение было предсказуемо раскритиковано Эрдоганом, обвинившим Запад в сохранении «ментальности крестоносцев»¹³ и пригрозившим провести новый референдум – на этот раз по вопросу целесообразности продолжения переговоров о вступлении страны в Евросоюз.

Между тем такая жесткая риторика вовсе не исключает сохраняющейся заинтересованности Турции во взаимодействии с ЕС, которое, несмотря ни на что, остается ее стратегической целью. Она по-прежнему рассматривает страны Евросоюза в качестве привлекательных торгово-экономических партнеров, инвесторов многих проектов, рынки приложения избыточной турецкой рабочей силы. В свою очередь, и для Евросоюза Турция важна как один из основных энергетических коридоров для поступающих в Европу нефтегазовых ресурсов; сохраняется и зависимость ЕС от позиции Турции по миграционному вопросу. Принимая во внимание все эти обстоятельства, можно

предположить, что Турция и ЕС, при всех сложностях взаимодействия, никуда друг от друга не денутся.

Что касается отношений Турции с США и НАТО, то на них возникающие время от времени разногласия Анкары с ЕС особо не скажутся. Президент Дональд Трамп, поздравивший в телефонном разговоре Эрдогана с победой на референдуме, явно не испытывает, подобно европейцам, дискомфорта от происходящих в Турции внутривластных изменений. И хотя в американо-турецких отношениях имеются трения (Гюлен, курдский фактор в сирийском конфликте и др.), они не станут препятствием для совместной борьбы с террористическими группировкам, включая и ИГ. Эта позиция была подтверждена президентами США и Турции в их телефонном разговоре¹⁴.

На сохранение позитивной динамики в развитии турецко-российских отношений (где взаимодействие президентов некоторые западные эксперты характеризуют как «братство сильных мужчин») рассчитывают и в Москве. В частности, на прошедших в Сочи 3 мая 2017 г. российско-турецких переговорах на высшем уровне особое внимание было обращено на такие аспекты взаимодействия, как торгово-экономическое и политическое сотрудничество, включающее сирийскую проблему¹⁵. Не менее важна для России поддержка Турцией миротворческой инициативы РФ в Сирии и подключение Турции в качестве одной из трех стран-гарантов (две другие – Россия и Иран) к переговорам в астанинском формате¹⁶ между сирийским правительством и вооруженной оппозицией.

12 Schiltz C. B. EU setzt Abbruch der Beitrittsgespräche auf die Tagesordnung. Die Welt. 22.04.2017. URL: <https://www.welt.de/politik/ausland/article163911455/EU-setzt-Abbruch-der-Beitrittsgespraeche-auf-die-Tagesordnung.html> (Accessed 22.04.2017)

13 Gurcan M. Post-referendum Turkey: Renewed conflicts, new allies. Al Jazeera. 19.04.2017. URL: <http://www.aljazeera.com/indepth/opinion/2017/04/post-referendum-turkey-renewed-conflicts-allies-170419064152452.html> (Accessed 20.04.2017)

14 Trump congratulates Erdogan on referendum win. Anadolu Agency. 18.04.2017. URL: <http://aa.com.tr/en/todays-headlines/trump-congratulates-erdogan-on-referendum-win/799219> (Accessed 18.04.2017)

15 См.: Пресс-конференция по итогам российско-турецких переговоров. 3 мая 2017 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/54444> (Дата обращения: 03.05.2017).

16 Астанинским формат по урегулированию сирийского конфликта назван по месту его проведения – в столице Казахстана Астане, где в 2017 г. проведено 4 переговорных раунда (23–24 января, 15–16 февраля, 14–15 марта, 3–4 мая).

Однако в России настороженность в отношении турецкого партнера, неоднократно демонстрировавшего в прошлом свою непредсказуемость, сохраняется. Есть опасность, что и в период, последующий после референдума, поведение Турции, которой предстоит новая фаза самоутверждения, может сопровождаться эксцессами.

Не все устраивает Россию и в деятельности Турции на постсоветском пространстве, где турецкие эмиссары, в числе которых было немало гюленистов, вели с 1990-х годов активную протурецкую агитацию среди местных тюркоязычных народов, открывая образовательные и духовные центры и даже медресе. Одни из них продолжают функционировать, другие закрыты. Тем не менее следует признать, что Турции немало облегчает наращивание своего культурно-языкового и политико-экономического влияния на тюркоязычные народы бывших республик Советского Союза их стремление дистанцироваться от России в рамках запущенного местными правящими элитами процесса цивилизационного поиска, когда идея «тюркского единства» выдается часто за более привлекательную альтернативу, нежели общее с Россией культурно-историческое прошлое. Знаковым в контексте такого поиска – являющегося во многих случаях следствием активной турецкой культуртрегерской деятельности – видится переход с кириллицы на принятую в Турции латиницу одних постсоветских стран (Азербайджан, Узбекистан) или же озвученные не так давно планы приступить к этому других (Казахстан, Киргизия). России такого рода эксперименты вряд ли грозят серьезными потерями в культурно-цивилизационном плане, а вот для «новых тюркских государств», как именуют их часто в Турции, последствия такой добровольной языковой ассимиляции могут оказаться не

столь радужными, какими они видятся в наши дни сторонникам «тюркизации», ибо, как правило, кардинальное изменение культурно-языковой сферы неизбежно влечет за собой освоение внешними силами политического и религиозного пространства. Пример – грузинская Аджария, где процесс отуречивания местного населения, начавшись с невинных культурных контактов, продвигается быстрыми темпами и уже стал, похоже, необратимым¹⁷.

Но пока прагматизм в турецко-российских отношениях берет верх, и Анкара, не принимая многого в крымской и украинской политике РФ, избегает конфронтации с Россией по этому вопросу. Зато консенсус был найден по сирийской проблеме, что важно, учитывая ведущее место, которое занимает Ближний Восток в ряду внешнеполитических приоритетов Турции.

Эволюция ближневосточной (сирийской) политики

Отношения со странами этого региона развивались у Турции скачкообразно и не всегда плодотворно вследствие известной противоречивости стратегии, избранной правящей ПСР.

В первое десятилетие 2000-х годов Турции удалось развить новые формы партнерства с арабскими странами, расширить на Ближнем Востоке свое политическое влияние, создать вокруг себя зону стабильности и безопасности, свести к минимуму многие спорные проблемы. Турция способна была порой перехватывать инициативу по острым и злободневным региональным вопросам у своих традиционных конкурентов и соперников – Ирана, Саудовской Аравии, Израиля, а также лавировать между этими и другими важнейшими игроками ближневосточной политики.

17 Турецкий флаг в Аджарии: картвелоязычные мусульмане в поисках идентичности. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2017/05/06/tureckiy-flag-v-adzharii-kartveloyazychnye-musulmane-v-poiskah-identichnosti> (Дата обращения: 06.05.2017)

Все изменилось после 2011 г., когда турецкое руководство активно подключилось к процессу «арабского пробуждения». Существенным корректировка подверглась и региональная стратегия Турции: в качестве союзников она стала рассматривать исламистские партии, которые активизировали свою деятельность в Тунисе, Сирии, Йемене, Египте, Ливии. Именно эти силы, полагали в Анкаре, способны придать развитию арабских обществ новый импульс. На практике такая политическая стратегия Турции свелась к тому, что она вместе с Саудовской Аравией и Катаром с молчаливого одобрения Запада приняла участие в эксперименте с приводом к власти в арабских странах исламистов. Как раз их-то вне зависимости от степени их радикализации старательно выдавливали в прошлом на обочину политической жизни авторитарные, но светские режимы в Тунисе, Сирии, Египте, в то время как саудовские правители готовы были поддерживать сторонников «политического ислама» где угодно, но только не у себя в стране.

Резкий разворот турецкой политики в отношении охваченных беспорядками арабских стран, ставка ПСР и Эрдогана на падение режимов в Египте, Ливии, Сирии, других арабских государствах фактически означали отказ от провозглашенного в 2000-е годы курса «ноль проблем с соседями», предполагавшего невмешательство во внутривнутриполитические дела арабских стран и нахождение общих точек соприкосновения с их правящими элитами. Теперь Турция от них отмежевывалась, и делалось все это главным образом во имя повышения статуса Турции на мировой арене, удовлетворения возросших амбиций ее лидера. Итогом такой политики явилось стремительное ухудшение отношений республики со всеми ее соседями, включая Египет, Ливию, Сирию, Ли-

ван, Иран, и турецкую внешнеполитическую стратегию не без иронии стали называть «ноль соседей без проблем»¹⁸.

Противоречивость турецкой ближневосточной политики нагляднее всего проявилась в Сирии – государстве, отношения с которым у Турции исторически складывались непросто.

Они были осложнены территориальным спором из-за расположенной на северо-западе Турции провинции Искендерун (бывш. Хатай), или Александреттский санджак (район) в сирийской интерпретации. В 1939 г. Хатай вошел в состав Турции, но Сирия с этим решением не примирилась, считая район своей территорией, что на долгие десятилетия осложнило сирийско-турецкие отношения. На них, кроме того, повлияла водная проблема. Поскольку Турция контролирует верховья рек Тигр и Евфрат, она получает возможность использовать их водные ресурсы для воздействия на соседние страны в выгодном для себя направлении, что не устраивает Сирию.

Наконец, в основе сирийско-турецких разногласий лежат национально-этнические и религиозные факторы. В первую очередь они касаются курдской проблемы. Известно, что Сирия долгое время оставалась спонсором Курдской рабочей партии (КРП), борющейся за политические права курдов в Турции и за создание в ее составе курдской автономии; на территории Сирии укрывался и лидер КРП Абдулла Оджалан. Его арест в 1998 г. позволил Турции на время снизить напряженность в районах, которые контролировала КРП. Но чтобы воспрепятствовать проникновению на турецкую территорию боевиков этой структуры, турецкий генштаб вынашивал план создания на границе с Сирией «буферной зоны», наподобие той, что была образована в 2003 г. на севере Ирака. Эрдоган, поддерживая в тот период терри-

18 Bekdil B. Turkey: "Zero Problems with Neighbors". URL: <http://www.gatestoneinstitute.org/5471/turkey-zero-problems-neighbors> (Accessed 06.04.2015).

ториальную целостность Сирии, в первую очередь преследовал цель предотвратить создание курдской автономии на северо-востоке Сирии, которая граничила бы с курдской автономией Северного Ирака на востоке, а на севере – с провинциями Турции, населенными курдами.

Другая острая проблема турецко-сирийских отношений – туркоманы, живущие как в Турции, так и в Ираке и Сирии, где они сосредоточены к северу от Латакии, вблизи турецкой границы, а также в городах Алеппо, Идлиб, Хомс, Тартус и в районе Дамаска. Правящая в Сирии Партия арабского социалистического возрождения, делая упор на единстве арабского сирийского народа, запрещала туркоманам, как и другим этническим группам страны, публиковаться или даже писать на родном языке, что рождало недовольство в туркоманской среде, чем не преминула воспользоваться Турция, хотя ее политическая система ставила религиозные и национальные меньшинства в куда более жесткие рамки.

Непримиримые разногласия существовали между Сирией и Турцией в сфере межрелигиозных отношений, и эти разногласия усугубила неприемлемая для сирийского светского режима открыто просуннитская политика Турции, ее тесные связи с «Братьями-мусульманами», другими исламистскими суннитскими объединениями, известными своей враждебностью к шиитам, алавитам и христианам – религиозным общинам, традиционно выступавшим в Сирии на стороне Асада.

После того как в Сирии с начала 2011 г. развернулось мощное антиправительственное движение (Наумкин, Малышева, 2015, с. 401–402), Турция солидаризировалась со странами, поддержавшими антиасадовские группировки. Она, кроме того, перекрыла каналы поступления вооружения для сирийской армии со стороны Ирана, способствовала поставкам оружия антиправительственным боевикам, действующим в Сирии. В Турции стал базироваться созданный 23 августа 2011 г. «Сирийский национальный совет», в состав ко-

торого вошли как оппозиционные политики, так и ненавидевшие семью Асадов сирийские «Братья-мусульмане». Турция предоставила также свою территорию для размещения «Свободной сирийской армии», курировавшейся турецкой секретной службой.

Тесное сотрудничество в Сирии Турции с Саудовской Аравией и Катаром, также активно добивавшимися смещения Асада, свели на нет усилия Турции по позиционированию себя как проводника демократизации Сирии. Этот имидж Турции потускнел и вследствие того, что ПСР закрывала глаза на активное участие в сирийских событиях военизированных отрядов радикальных джихадистов. Они беспрепятственно попадали в Сирию через турецко-сирийскую границу по маршруту, получившему известность как «джихадистская магистраль» (Özel, Özkan, 2015, p. 5). Более того, ради смещения президента Асада и приведения к власти в Сирии протурецкого, суннитского режима Турция стала финансировать ряд радикальных исламистских группировок. В их числе – созданное в конце 2011 г. и близкое по идеологии к «Аль-Каиде» «Ахрар Аш-Шам», или «Исламское движение свободных людей Сирии», которое вместе со «Свободной сирийской армией», «Фронтом ан-Нусра» и некоторыми другими вооруженными группами противостоит правительственным сирийским войскам.

Двойную игру стала вести Турция и с ИГ, захватившем с июня 2014 г. часть территории на востоке Сирии и на северо-западе Ирака и объявившем о создании там «исламского халифата». Поддерживая на словах антитеррористическую операцию западной коалиции против ИГ и даже участвуя в ней, Турция занималась одновременно поставками оружия ИГ, покупала у него нефть (Филоник, 2016, с. 169). Чтобы не будить «спящие ячейки» ИГ у себя дома, турецкие политики рассуждали о суннитской солидарности в борьбе против «неверующих», к которым относили и шиитов с алавитами. Официально участвуя совмест-

но с коалицией НАТО в антитеррористической операции против формирований ИГ и поддерживая одновременно контакты с этой террористической структурой, турецкое руководство тешило себя нереалистичной надеждой на возможность перерождения исламистско-суннитских радикалов в прагматиков, которые будут послушными проводниками турецких интересов в Сирии и на Ближнем Востоке. Реальность оказалась куда суровее.

Со стороны ИГ в адрес турецкого руководства прозвучали угрозы – за участие турецких вооруженных сил «в войне против моджахедов вместе с армиями неверующих», за предоставление турецким правительством военных баз для американской авиации, бомбящей позиции ИГ в Сирии и проч. (Bekdil, 2015). Вслед за этим участились и террористические акты, ответственность за которые брала на себя ИГ.

К концу 2015 г. стало очевидно, что турецкая ближневосточная стратегия потерпела фиаско. Осознание этого побудило ряд соратников Эрдогана выступить с призывами пересмотреть политику Турции в отношении Ближнего Востока и арабского мира, обновить ее, сделать более реалистичным политический курс страны. Стремлением выправить «искривления», образовавшиеся на ближневосточном направлении турецкой политики, можно объяснить усилия Анкары найти новых союзников и партнеров. В их ряду – Катар, где по итогам состоявшегося в начале декабря 2015 г. визита Эрдогана и его переговоров с эмиром шейхом Тамимом бин Хамадой бин Халифом Аль Тани были подписаны соглашения о поставках Турции катарского природного газа. Было объявлено также, что Турция – в рамках заключенного в 2014 г. соглашения двух стран по сотрудничеству в области борьбы с «общими врагами» – создаст военную базу на территории Катара, который, согласно до-

говору, также сможет разместить свою военную базу в Турции. Примкнула Турция и к «исламской коалиции», сформированной Саудовской Аравией для решения сирийского конфликта. Были налажены также отношения с Ираном и Израилем.

Смягчила Турция свою позицию и в сирийском конфликте, хотя главным препятствием к его разрешению в Турции по-прежнему усматривают нахождение у власти Асада. Неизменной остается и турецкая позиция в отношении сирийских курдов, которые, с точки зрения Анкары, должны иметь контроль над как можно меньшей частью территории вдоль турецкой границы. Именно с этой целью Турция с 24 августа 2016 г. стала проводить на севере Сирии совместно с «Сирийской свободной армией» военную операцию «Щит Евфрата». И хотя 29 марта 2017 г. премьер-министр Турции Бинали Йылдырым объявил о ее завершении, полного вывода турецких войск с сирийской территории так и не последовало. В своем противостоянии там с военизированными подразделениями курдской партии «Демократический союз» (ПДС), считающейся сирийским ответвлением запрещенной в Турции и объявленной террористической КРП, Турция не находит общего языка с американской администрацией, которая рассматривает ПДС как эффективного партнера в борьбе против ИГ.

Но в интересах Турции как можно скорее завершить истощающий ее ресурсы сирийский конфликт, желательно при этом на максимально выгодных для Турции условиях. Руководствуясь этой задачей, турецкое руководство активно подключилось в 2016–2017 гг. к совместной работе с Россией в целях достижения в Сирии режима прекращения боевых действий. Способствовала Турция межсирийскому переговорному процессу как в Женевском¹⁹, так и в астанин-

19 Проводимые в Женеве под эгидой ООН не прямые переговоры спецпредставителя Генерального секретаря ООН по Сирии Стаффана да Мистуры с разными группами сирийской оппозиции.

ском форматах. Благодаря совместным усилиям РФ, Турции и Ирана между сирийской оппозицией и правительством в Анкаре было подписано соглашение о прекращении огня на территории Сирийской Арабской Республики, вступившее в силу с 30 декабря 2016 г. А по итогам переговоров в Астане 3–4 мая 2017 г. по урегулированию сирийского конфликта страны-гаранты (Россия, Турция и Иран) подписали Меморандум о создании зон деэскалации в Сирии (в провинции Идлиб, к северу от города Хомс, в Восточной Гуте и на юге страны).

Подводя итог, отметим: современная стратегия Турции имеет серьезные издержки, а ее внешнеполитические зигзаги и метания, помноженные на растущие внутренние неурядицы, не способствовали выходу страны из затянувшегося системного кризиса. Действия Турции, являющейся членом НАТО и обладающей одной из самых боеспособных армий в регионе, приобретали порой непредсказуемый, хаотичный, а временами даже агрессивный характер, порождали в региональном масштабе неоправданные риски. «Посеявшая ветер» в других странах, Турция оказалась перед реальной угрозой «пожарить бурю» у себя дома. Имеются, однако, уже ощутимые признаки обретения Турцией курса на проведение значительно более ответственной и взвешенной внешней политики, продиктованной осознанием того, что иной вариант грозит превращением Турции в очередной объект междоусобиц, насилия и потрясений на Ближнем Востоке.

Станет ли залогом выживания и оздоровления Турции проект сильного лидерства в условиях президентской республики, покажет время. Но можно тем не менее предположить, что создание консолидированного центра в рамках грядущей президентской республики упростит и наполнит большим динамизмом процедуру принятия важных решений во внутривластной и международной сферах.

Список литературы

Белокреницкий В.Я., Наумкин В.В. (ред.). (1995). *История Востока. В шести томах*. Том 6. Москва: Восточная литература. 1097.

Белокреницкий В.Я., Ульченко Н.Ю. (ред.). (2015). *Нации и национализм на мусульманском Востоке*. Москва: ИВ РАН. 488.

Наумкин В.В., Малышева Д.Б. (ред.). (2015). *Конфликты и войны XXI века (Ближний Восток и Северная Африка)*. Москва: ИВ РАН. 504.

Наумкин В.В., Попов В.В., Кузнецов В.А. (ред.). (2012). *Ближний Восток, Арабское пробуждение и Россия: что дальше? Сборник статей*. Москва: ИВ РАН. 593.

Филоник А. О. (ред.). (2016). *Арабский мир в потоке событий и времени*. Москва: Институт востоковедения РАН. 435.

Bekdil B. (2015). Turkey's double game with ISIS dateline. *Middle East Quarterly*, 22 (3). URL: <http://www.meforum.org/meq/pdfs/5317.pdf> (Accessed:23.04.2017)

Özel S., Özkan B. (2015, April). Illusions versus reality: Turkey's approach to the Middle East and North Africa. *Policy brief*, (200). 2–7.

References

Bekdil B. (2015). Turkey's double game with ISIS dateline. *Middle East Quarterly*, 22 (3). URL: <http://www.meforum.org/meq/pdfs/5317.pdf> (Accessed:23.04.2017)

Belokrenitskii V.Ya., Naumkin V.V. (eds.). (1995). *History of the East. In six volumes*. Vol. 6. Moscow: Vostochnaya literatura. 1097.

Belokrenitskii V.Ya., Ul'chenko N.Yu (eds.). (2015). *Nations and Nationalism in the Muslim East*. Moscow: IV RAN. 488.

Filonik A. O. (ed.). (2016). *The Arab world in the stream of events and time*. Moscow: Institut vostokovedeniya RAN. 435.

Naumkin V.V., Malysheva D.B. (eds.). (2015). *Conflicts and Wars of 21st Century (Middle East and North Africa)*. Moscow: IV RAN. 504.

Naumkin V.V., Popov V.V., Kuznetsov V.A. (eds.). (2012). *The Middle East, the Arab awakening and Russia: what's next?* A collection of Articles. Moskva: IV RAN.593.

Özel S., Özkan B. (2015, April). Illusions versus reality: Turkey's approach to the Middle East and North Africa. *Policy brief*, (200). 2–7.

Информация об авторе

Дина Борисовна Малышева, доктор политических наук, заведующий сектором, Центр постсоветских исследований, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук

117997, Российская Федерация, Москва,
Профсоюзная ул., 23
dsheva@mail.ru

About the Author

Dina B. Malysheva, Doctor of Political Sciences, Head of a Division, Center of Post-Soviet Studies, Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences

23, ul. Profsoyuznaya, Moscow, Russian Federation, 117997
dsheva@mail.ru